

Акира
КУРОСАВА:

«ФИЛЬМ—

ЭТО КРИСТАЛЛ С МНОЖЕСТВОМ ГРАНЕЙ»

Известный японский кинорежиссер Акира Кurosава приступил к работе над новым фильмом «Ран», замысел которого он вынашивал в течение десяти лет. В будущем году, когда картина выйдет на экраны, режиссеру исполнится 75 лет, и, возможно, отмечает парижский еженедельник «Пуэн», она станет «творческим завещанием» художника.

«Ран» — это своеобразное киноосмысление трагедии Шекспира «Король Лир», действие которой переносится в японское средневековье. В период подготовки к съемкам Кurosава сделал несколько сотен эскизов: костюмов, типаж действующих лиц, мизансцен и т. д.

Вот что он говорит по этому поводу на страницах «Пуэн»:

— Я стал прибегать к рисунку уже при работе над фильмом «Кагемуся». Вначале я не рассматривал эти наброски как форму подготовки к съемкам. Это была своего рода компенсация. Сценарий «Кагемуся» в течение четырех лет неоднократно отвергали и снова принимали. А я так много думал о фильме, что голова моя была просто забита образами. В какой-то момент переговоры по поводу съемок сорвались, казалось, окончательно. Я не мог смириться с мыслью, что никто никогда не увидит те образы, которые я ношу в голове. И вот для того, чтобы хоть что-то спасти в этой катастрофической ситуации, чтобы как-то побороть отчаяние, я стал рисовать и писать. А потом, когда сценарий все же пошел, у меня уже было 250 рисунков. Я показал их съемочной группе, и все признали, что рисунки чрезвычайно помогут им в работе. Они попросили меня сделать еще ряд рисунков для других сцен, и в конце концов я сделал 500 набросков для «Кагемуся». Я убедился в их двойной полезности при работе над фильмом. Во-первых, рисунок заставляет конкретизировать идеи, которые в словесном выражении все же несовершенны. Каков, к примеру, должен быть узор на вышивке, какова экипировка воина, цвет знамени, гербы и т. д.? Чтобы решить эти проблемы с той точностью, которой требует рисунок, нужно углубиться в документальные источники. Во-вторых, снимать фильм — значит переносить на пленку образы, которые ты держишь в голове. Для объяснений с ассистентами, актерами хороший рисунок — более точный «инструмент», чем длинная речь.

На вопрос корреспондента «Пуэн» о характере будущей картины режиссер отвечает:

— Меня когда-то поразила подлинная история одного японского вельможи XVI века, у которого было три замечательных, добрых, храбрых сына. Они любили и уважали отца, и он жил счастливо и умер счастливым. Я стал размышлять о том, что бы произошло, если бы эти сыновья оказались — как это часто случается — властолюбивыми. Я проработал эту версию и в какой-то момент понял, что история этого вельможи, если ее соответственно изменить, будет очень сходна с историей короля Лира (только с участием сыновей, а не дочерей). Но речь идет о некоем непреднамеренном совпадении, а вовсе не об экранизации «Короля Лира». Разумеется, когда определились «правила игры», я обогатил мой сценарий некоторыми заимствованиями из шекспировской тра-

гедии и даже усилил некоторые совпадения. Но, конечно, нельзя сказать, что этот фильм — экранизация «Короля Лира». Я, между прочим, считаю цинизмом любые попытки экранизировать Шекспира.

В «Замке интриг»² я также отталкивался прежде всего от истории японского вельможи, напоминающей историю Макбета. Конечно, я пополнил свой фильм шекспировскими мотивами, но различия с Шекспиром в нем столь же заметны, сколь и совпадения. Нужно учитывать, что XVI век в Японии — постоянная и сложная вооруженная борьба, конфликты между кланами и династиями, сами феодальные структуры того времени во многом напоминают обстановку в Англии, описанную Шекспиром. Следовательно, существует некая глубокая историческая связь между реальностями, которые воплотились в эти две формы изложения. И, конечно же, имеет значение тот факт, что подростком я зачитывался французской, английской, немецкой, русской литературой. Этот «культурный фон», несомненно, проглядывает то там, то здесь, так что я сам этого не замечаю. И, наконец, простая и главная истина: в основе своей человеческое существо одинаково повсюду, и на Востоке, и на Западе, и белое, и черное, и желтое. Внешние признаки различны, но импульсы, страсти, конфликты — одни и те же.

На вопрос, почему режиссер обратился к изображению феодальной эпохи и каков «уроок» его фильмов, Акира Кurosава отвечает:

— Я думаю, что в прошлом люди были значительнее, чем сегодня, совершеннее. Это видно хотя бы по тому, как красиво и умно то, что они нам оставили. Я определил бы тех людей даже точнее: они были лучше нас. И чем дальше мы уходим в прошлое, тем лучших людей мы обнаруживаем.

Я сознательно не вкладываю никаких «уроков» в свои фильмы. Конечно, я сам и мои мысли просматриваются в моих фильмах, но я не пришиваю педагогику к кино. Для меня фильм — это кристалл с множеством граней. И каждый должен увидеть его со своей точки зрения, в соответствии со своим культурным уровнем, своими собственными ожиданиями. Я не сторонник фильмов, снятых для «знатоков». Когда делаешь фильм, надо думать об удовольствии зрителя. А следовательно, о своем собственном удовольствии...

¹ Фильм получил «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском фестивале 1980 года.

² Фильм Акиры Кurosава, который многие считают экранизацией «Макбета» Шекспира.